

На правах рукописи

Хурум Мариет Аслановна

**ПРЕСТУПЛЕНИЯ, СВЯЗАННЫЕ С ПОЛУЧЕНИЕМ И (ИЛИ)
РАЗГЛАШЕНИЕМ КОНФИДЕНЦИАЛЬНОЙ ИНФОРМАЦИИ:
КРИМИНАЛИЗАЦИЯ, СИСТЕМАТИЗАЦИЯ И ОПТИМИЗАЦИЯ
ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО ОПИСАНИЯ**

Специальность 12.00.08 – уголовное право и криминология;
уголовно-исполнительное право

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата юридических наук

Краснодар, 2019

Работа выполнена в Федеральном государственном бюджетном образовательном учреждении высшего образования «Кубанский государственный университет» на кафедре уголовного права и криминологии

Научный руководитель: доктор юридических наук, профессор
Прохорова Марина Леонидовна

Официальные оппоненты: **Ефремова Марина Александровна,**
доктор юридических наук, доцент,
Казанский филиал ФГБОУ ВО «Российский
государственный университет правосудия»,
профессор кафедры уголовно-правовых
дисциплин

Хлебушкин Артем Геннадьевич, доктор
юридических наук, доцент, ФГКОУ ВО
«Санкт-Петербургский университет
Министерства внутренних дел Российской
Федерации», заместитель начальника кафедры
уголовного права

Ведущая организация: ФГБОУ ВО «Саратовская государственная
юридическая академия»

Защита состоится «10» октября 2019 года в 10⁰⁰ часов на заседании диссертационного совета Д 220.038.11 на базе ФГБОУ ВО «Кубанский государственный аграрный университет имени И.Т. Трубилина» по адресу: 350044, г. Краснодар, ул. Калинина, 13, главный корпус университета, ауд. 215.

С диссертацией и авторефератом можно ознакомиться в библиотеке университета и на сайтах: ФГБОУ ВО «Кубанский государственный аграрный университет имени И.Т. Трубилина» – www.kubsau.ru и ВАК – [https://vak/minobrnauki.gov.ru](https://vak.minobrnauki.gov.ru).

Автореферат разослан «___» _____ 2019 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета,
кандидат юридических наук

А.В. Шульга

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. XXI век ознаменован беспрецедентным распространением информационных технологий, ростом значимости информации в современном обществе. Все это, безусловно, повышает уровень жизни современного человека, однако обратной стороной названного процесса выступает рост угроз информационной безопасности. Осуществляемый в РФ проект построения «электронного правительства», возрастающая роль всемирной сети «Интернет» выдвигают на первый план вопрос о защите конфиденциальной информации о персональных данных граждан, государственной и коммерческой тайны и др. Сейчас как никогда остро стоит проблема создания эффективного механизма противодействия посягательствам на сохранность различных видов конфиденциальной информации. В системе мер, его образующих, немаловажную роль играют уголовно-правовые запреты. На сегодняшний день все большую актуальность приобретает проблема обеспечения информационной безопасности в целях предупреждения нарушений права человека на неприкосновенность частной жизни. Технологические вызовы XXI в., связанные с недобросовестным использованием информационных ресурсов, повышают риски террористических угроз, формируют опасность вмешательства во внутренние дела недружественных России государств. Информационные технологии активно взяли на вооружение и «общеуголовные» преступники – мошенники, вымогатели и т.п.

Несмотря на то, что вопросы защиты государственной тайны, частной жизни традиционно находились в сфере внимания отечественного законодателя, целостный подход к уголовно-правовой охране неприкосновенности конфиденциальной информации получил свое закрепление лишь в УК РФ 1996 г.

Однако процесс формирования системы норм, устанавливающих уголовно-правовой запрет на незаконные получение, разглашение и использование конфиденциальной информации, продолжается и в настоящее время. Об этом свидетельствует появление таких составов, как неправомерное использование инсайдерской информации (ст. 185^б УК РФ) и незаконное получение сведений, составляющих государственную тайну (ст. 283¹ УК РФ). Эти новеллы нуждаются в дополнительном осмыслении.

Несмотря на то, что различным аспектам проблемы обеспечения информационной безопасности уголовно-правовыми средствами в последнее время было посвящено достаточное число диссертационных исследований, всестороннего комплексного изучения системы посягательств на сохранность конфиденциальной информации с учетом последних изменений УК РФ и с акцентом на максимально возможную унификацию законодательных подходов к криминализации названных деяний, их описанию в УК РФ и дифференциации ответственности за них не проводилось.

Приведенные аргументы определяют не только актуальность комплексного теоретического исследования системы посягательств, связанных с получением и (или) разглашением конфиденциальной информации, но и его практическую востребованность для оптимизации нормотворческого процесса в обозначенной сфере, а равно правоприменительной практики.

Степень научной разработанности темы диссертационного исследования. В последние десятилетия в отечественной уголовно-правовой доктрине вопросы защиты конфиденциальной информации были объектом пристального внимания исследователей. Проблеме уголовно-правовой охраны тайны были посвящены диссертационные работы С.В. Кузьмина («Тайна в уголовном праве», Ставрополь, 2000 г.) и И.В. Бондарь («Тайна по российскому законодательству: проблемы теории и практики», Н. Новгород, 2004 г.). Вопросы уголовно-правовой охраны частной жизни исследовались в диссертациях М.И. Амрахова, Н.Г. Беляевой, И.П. Гальгиной, В.П. Жеребкина, В.П. Иванского, Б.Н. Кадникова, Е.Е. Калашниковой, В.Н. Клочкова, П.Н. Макеева, О.А. Мотина, Г.Б. Романовского, А.М. Ульяновченко, И.А. Шевченко, И.А. Юрченко и др.

Отдельным аспектам уголовной ответственности за разглашение тайны усыновления были посвящены диссертации А.В. Ермолаева, Н.В. Гуль, Ю.В. Николаева. В то же время как самостоятельная проблема этот вопрос на монографическом уровне не исследовался.

В юридической литературе общие проблемы защиты разного рода коммерческой информации рассматривались в работах Ю.М. Батурина, И.Л. Бачило, Б.В. Волженкина, Л.Е. Владимирова, Р.Б. Иванченко, Р.М. Гасанова, Л.Д. Гаухмана, Ю.В. Дубровского, Д.Г. Коровяковского, Л.О. Красавчиковой, Н.А. Лопашенко, В.Н. Лопатина, С.В. Максимова, В.А. Мазурова, И.Л. Петрухина, В.Н. Протасова, И.В. Смольковой, А.А. Фатья-

нова,

С.Л. Цаластиной, А.А. Шиверского и др. Вместе с тем исследований, посвященных проблеме уголовно-правовой охраны инсайдерской информации, в отечественной правовой доктрине еще не проводилось.

Некоторые аспекты противодействия преступлениям, посягающим на сохранность государственной тайны, были раскрыты в работах таких ученых, как П.П. Аникин, В.В. Бендин, С.Ф. Боев, А.А. Дворников, С.В. Дьяков, А.Г. Кулев, В.А. Мазуров, В.М. Матросов, Ф. Найтли, Д.Д. Ступин, А.Г. Хлебушкин, С.В. Чертопруд.

Вопросы уголовно-правового противодействия неправомерному доступу к компьютерной информации рассматривалось в трудах А.М. Доронина, К.Н. Евдокимова, Т.Г. Смирнова, Т.Л. Тропина, Д.Г. Мальшенко и некоторых др. авторов.

Вместе с тем, несмотря на достаточное число диссертационных и иных работ, все они посвящены исследованию лишь отдельных преступлений, связанных с получением и (или) разглашением конфиденциальной информации. Особое место в этом ряду занимает докторская диссертация М.А. Ефремовой «Уголовно-правовая охрана информационной безопасности» (Москва, 2017 г.). Однако названное исследование осуществлено в несколько ином ракурсе, чем избран в настоящей диссертации. Кроме того, остался не рассмотренным ряд вопросов, подлежащих анализу при изучении соответствующей группы деяний.

Таким образом, видится востребованным комплексное исследование всей системы названных преступлений с учетом новелл уголовного законодательства, осуществляемое для достижения максимально возможной унификации законодательных подходов к криминализации названных посягательств, их описанию в УК РФ и дифференциации ответственности за них.

Объектом диссертационного исследования выступают отраженный в уголовном законе подход к криминализации и систематизации преступлений, связанных с получением и (или) разглашением конфиденциальной информации, к дифференциации ответственности за них, а также общественные отношения, складывающиеся в сфере уголовно-правового противодействия названным посягательствам.

Предметом исследования являются:

– памятники отечественного права различных исторических периодов, содержа-

щие положения, регламентирующие уголовную ответственность за посягательства на сохранность конфиденциальной информации;

– нормы действующего российского уголовного закона, предусматривающие преступления, связанные с получением и (или) разглашением конфиденциальной информации (ст. 137, 155, 183, 185^б, 272, 275, 276, 283, 283¹, 284, 310, 311, 320 УК РФ);

– уголовное законодательство зарубежных стран в части установления ответственности за посягательства на сохранность конфиденциальной информации;

– положения доктрины, касающиеся анализируемой группы преступлений, а также общих вопросов уголовного права и смежных проблем;

– материалы судебной практики по делам о преступлениях, связанных с получением и (или) разглашением конфиденциальной информации;

– опубликованные статистические данные, в том числе Судебного департамента при Верховном суде РФ, а также обобщенные результаты проведенного автором анкетирования практических работников по различным аспектам исследования.

Целью исследования выступает формирование системы новых теоретических положений, касающихся вопросов криминализации и систематизации преступлений, связанных с получением и (или) разглашением конфиденциальной информации, и определение на этой основе путей оптимизации их правовой регламентации и совершенствования правоприменительной практики.

Задачи исследования. Достижение поставленной цели предполагает решение следующих задач:

а) осуществить историко-правовой анализ подходов отечественного законодателя к криминализации деяний, связанных с получением и (или) разглашением конфиденциальной информации, регламентации юридических признаков их составов, к систематизации этих преступлений и дифференциации ответственности за их совершение;

б) изучить юридические признаки составов преступлений, образующих современную систему деяний, связанных с получением и (или) разглашением конфиденциальной информации;

в) определить семантическое и уголовно-правовое содержание терминов, используемых законодателем при конструировании соответствующих составов преступных посягательств и имеющих значение для их правильной квалификации;

г) обобщить опыт криминализации, систематизации, уголовно-правовой регламентации и дифференциации ответственности за названные преступления в законодательстве зарубежных государств;

д) изучить судебную практику по делам указанной категории;

е) обобщить результаты проведенного социологического исследования для использования их при формулировании предложений, направленных на оптимизацию процесса регламентации ответственности за преступления, связанные с получением и (или) разглашением конфиденциальной информации.

Теоретическая и практическая значимость диссертационного исследования заключается в том, что содержащиеся в нем положения и выводы дополняют учение о преступлениях, связанных с получением и (или) разглашением конфиденциальной информации, способствуют дальнейшему развитию отечественной уголовно-правовой доктрины в соответствующей ее части, создают почву для дальнейших научных изысканий в этой области. Разработанный автором комплекс дефиниций будет способствовать единообразному толкованию признаков составов указанных деяний и формированию унифицированной правоприменительной практики.

Предложенные в диссертации направления корректирования системы названных преступлений и редакций статей 137, 155, 183, 275, 276, 283, 284, 310, 311, 320 УК РФ могут быть использованы в процессе дальнейшего совершенствования законодательства в целях оптимизации описания составов соответствующих преступлений, дифференциации ответственности за них, подходов к их систематизации.

Рекомендации по уголовно-правовой оценке названных посягательств, содержащиеся в диссертации, могут быть учтены в деятельности судебно-следственных органов в процессе их квалификации и рассмотрения уголовных дел о названных преступлениях.

Отдельные положения диссертации могут быть использованы в дальнейших научных исследованиях означенной проблемы, а также в учебном процессе при преподавании уголовно-правовых дисциплин.

Методологической основой исследования явилась совокупность как общенаучных, так и частно-научных методов познания. Прежде всего, в диссертации нашли применение такие общенаучные методы, как диалектический, исторический,

формально-логический, формально-юридический, компаративистский и др. Широко использовались и частно-научные методы: социологический опрос, изучение документов, статистический метод и пр.

Научная новизна диссертации обусловлена комплексным характером исследования, охватившего всю систему преступлений, связанных с получением и (или) разглашением конфиденциальной информации, а также его акцентом на максимально возможную унификацию законодательных подходов к криминализации названных посягательств, их описанию в УК РФ и дифференциации ответственности за них. Исследование всей совокупности указанных преступлений осуществлено впервые после изменений, внесенных в УК РФ в период с 2016 по 2018 гг.

В диссертации впервые представлен комплексный исторический и компаративистский анализ системы преступлений, связанных с получением и (или) разглашением конфиденциальной информации. Осуществлено рассмотрение социальной обоснованности криминализации указанных деяний, определены принципы и основание этого процесса с учетом современных реалий информационного пространства.

Полученные результаты исследования позволили автору обосновать комплекс предложений по совершенствованию правовой регламентации составов указанных преступлений, выработать унифицированные подходы к определению и толкованию целого ряда категорий, с ними связанных (разработаны дефиниции «конфиденциальная информация», «сведения о частной жизни», «коммерческая тайна», «информация, составляющая служебную тайну», «государственная тайна», «следственная тайна», «сведения о мерах безопасности» и др.), а также к дифференциации ответственности за них. Осуществленный системный анализ позволил обосновать целесообразность исключения из уголовного закона статей 185⁶ («Неправомерное использование инсайдерской информации»), 272 («Неправомерный доступ к компьютерной информации») и 283¹ («Незаконное получение сведений, составляющих государственную тайну»). Помимо этого, автором обосновано предложение о необходимости принятия Федерального закона «О конфиденциальной информации в Российской Федерации» с закреплением в нем понятия конфиденциальной информации, ее видов и правового режима.

Изучение законодательных подходов к дифференциации ответственности за рассматриваемые преступления послужило основой для разработки примерного алгоритма

конструирования системы квалифицирующих обстоятельств для преступлений, связанных с получением и (или) разглашением конфиденциальной информации, позволяющий определенным образом эти признаки унифицировать.

В результате осуществленного исследования разработаны скорректированные редакции статей 137, 155, 183, 275, 276, 283, 310, 311 и 320 УК РФ, а также обосновано предложение об исключении из Кодекса статей 185^б, 272 и 283¹.

Научная новизна исследования находит отражение и в **положениях, выносимых на защиту:**

1. Вывод о поступательном (хотя и с некоторыми отступлениями от общей тенденции в определенные исторические периоды) характере эволюции института уголовной ответственности за преступления, связанные с получением и (или) разглашением конфиденциальной информации, с выделением основных этапов его становления: 1) возникновение прообразов норм об уголовной ответственности за государственную измену (Псковская судная грамота (1397 г.); 2) формирование развернутой системы норм об уголовной ответственности за преступления, посягающие на сохранность государственной тайны (Судебники 1497 г. и 1550 г., Соборное Уложение 1649 г., Артикул Воинский 1715 г.); 3) дальнейшее развитие системы норм об уголовной ответственности за преступления, посягающие на сохранность государственной тайны, а также криминализация группы деяний, связанных с получением и разглашением конфиденциальной информации: установление уголовно-правового запрета на разглашение сведений, составляющих коммерческую тайну (ст. 1751 Уложения 1845 г.); тайну частной жизни (ст. ст. 1528 и 1530 Уложения 1845 г.); служебную тайну (ст. 2097, 2098 Уложения 1845 г.); 4) период регресса института уголовно-правовой охраны неприкосновенности конфиденциальной информации в уголовном законодательстве советского периода (УК РСФСР 1922, 1926 гг.); 5) возврат к криминализации посягательств не только на сохранность государственной тайны, но и на неприкосновенность личной жизни в УК РСФСР 1960 г.; 6) восстановление традиционного подхода, сформировавшегося в дооктябрьский (1917 г.) период к охране конфиденциальной информации, в УК РФ 1996 г.

2. Результаты обобщения зарубежного опыта криминализации, систематизации и законодательного описания составов преступлений, связанных с получением и (или) разглашением конфиденциальной информации, сводящиеся к выявлению положений, по-

лезных с точки зрения оптимизации названных процессов в российском уголовном законодательстве: криминализация разглашения служебной тайны (УК Австрии, Швейцарии, ФРГ); установление уголовной ответственности за *использование* государственных секретов (УК Италии); дифференциация уголовной ответственности за шпионаж по признаку злоупотребления лицом своим ответственным положением, которое обязывало его особо хранить государственные тайны (УК ФРГ).

3. В качестве принципов (критериев) криминализации деяний, связанных с получением и (или) разглашением конфиденциальной информации, должны выступать: учет степени их распространенности в РФ, их динамики и структуры; значимость для общества, государства, субъектов предпринимательской деятельности или частных лиц негативных последствий совершения подобных деяний; системный подход к криминализации деяний, посягающих на неприкосновенность и сохранность конфиденциальной информации; преэминентность положений национального уголовного законодательства и международно-правовых норм в сфере обеспечения информационной безопасности; акцент на профилактический потенциал криминализации указанных деяний, основанный на невозможности их предупреждения вне рамок уголовно-правовых запретов.

4. Системообразующей для рассматриваемых преступлений выступает категория «конфиденциальная информация», являющаяся в свою очередь обязательным признаком объекта соответствующих посягательств. Вместе с тем указанная категория не однородна, она приобретает многообразное выражение, поскольку, будучи конфиденциальной по сути, но разнородной по содержанию, она «встраивается» в системы разных групп общественных отношений, подлежащих уголовно-правовой охране, выступая в качестве элемента последних и одним из детерминантов их специфики.

5. Под конфиденциальной информацией понимаются данные, относящиеся к различным сферам жизнедеятельности общества (частной, экономической, государственной, правоохранительной), ограниченные в свободном доступе в целях обеспечения личной неприкосновенности, охраны частной жизни либо национальной безопасности.

К видам конфиденциальной информации относятся: 1) информация о частной жизни индивида, семьи; 2) информация, составляющая государственную тайну; 3) коммерческая информация, которая в свою очередь подразделяется на: инсайдерскую информацию; банковскую информацию; информацию о ноу-хау; информацию о техноло-

гии производства; 4) информация, составляющая служебную тайну; 5) информация, составляющая профессиональную тайну; 6) информация, составляющая правоохранительную тайну (тайну следствия и тайну, касающуюся соответствующих мер безопасности).

6. Несмотря на разнородность объектов преступлений, связанных с получением и (или) разглашением конфиденциальной информации, есть основания вести речь об интегративном объекте, позволяющем выделить комплексный институт Особенной части уголовного права – институт уголовной ответственности за названные посягательства. Таковым выступает совокупность общественных отношений в сфере обеспечения информационной безопасности личности, общества, государства. Наличие подобного института требует максимально возможной унификации описания признаков составов соответствующих преступлений в той части, в какой это логично и обосновано. Вместе с тем целесообразность в выделении самостоятельной главы, которая объединила бы нормы о преступлениях, связанных с получением и (или) разглашением конфиденциальной информации, отсутствует вследствие выраженной неоднородности общественных отношений, с которыми связана та или иная информация.

7. Примерный алгоритм конструирования системы квалифицирующих обстоятельств для преступлений, связанных с получением и (или) разглашением конфиденциальной информации, можно изложить унифицировано (распределение признаков по частям той или иной статьи в отдельных ситуациях может различаться):

«2. Те же действия, совершенные:

а) из корыстных побуждений (кроме ст. 283 УК РФ; в ст. 183 УК РФ предусмотреть данный признак в ч. 3);

б) лицом с использованием своего служебного положения (а в ст. 137, 155 УК РФ – «совершенные лицом, которому конфиденциальная информация о частной жизни стала известна в силу служебного положения, в связи с осуществлением профессиональной или общественной деятельности либо отправлением религиозного культа»; в ст. 183 УК РФ предусмотреть в ч. 3);

в) с использованием социальных сетей, сети «Интернет» либо путем неправомерного доступа к компьютерной информации (а в ст. 137, 155 УК РФ – «сопряженные с распространением в публичном выступлении, публично демонстрирующемся произведе-

дени, средствах массовой информации или информационно-телекоммуникационных сетях»; в ст. 183 УК РФ предусмотреть в ч. 3);

г) в отношении несовершеннолетнего (в ст. 137, 155, 310, 311 и 320 УК РФ);

д) группой лиц по предварительному сговору (кроме ст. 283, 310, 311 и 320 УК РФ).

3. Действия, предусмотренные в ч. 1 или 2 настоящей статьи, совершенные:

а) организованной группой (кроме ст. 283, 310, 311 и 320 УК РФ);

б) повлекшие по неосторожности наступление тяжких последствий».

8. Разработанные на основе анализа признаков составов преступлений, связанных с получением и (или) разглашением конфиденциальной информации, отраженных в УК РФ подходов к дифференциации ответственности за них, зарубежного законодательного опыта скорректированные редакции статей 137, 155, 183, 275, 276, 284, 310, 311, 320 УК РФ.

Степень достоверности и апробация результатов исследования. Достоверность результатов диссертационного исследования обеспечена, *во-первых*, использованием совокупности общенаучных и частно-научных методов познания. *Во-вторых*, анализом широкого круга нормативных правовых актов (Конституция Российской Федерации; отечественное уголовное законодательство различных исторических периодов; федеральные законы иной отраслевой принадлежности; уголовное законодательство 20 зарубежных государств – Австрии, Бельгии, Голландии, Дании, Испании, Италии, Молдовы, Польши, Туниса, Республики Беларусь, Республики Казахстан, Республики Таджикистан, США, Украины, Швейцарии, Швеции, Франции, ФРГ, Эстонии, Японии). *В-третьих*, изучением значительного числа научных трудов (в области уголовного, информационного права и некоторых других наук) авторов, названных при определении степени научной разработанности темы исследования, и ряда иных ученых. *В-четвертых*, эмпирической базой диссертации, которую составили статистические данные о преступлениях, посягающих на сохранность конфиденциальной информации за период с 2010 по 2018 гг.; результаты изучения опубликованной судебной практики Верховного Суда РФ и федеральных судов целого ряда регионов РФ (всего изучено 130 уголовных дел), а также проведенного соискателем анкетирования 57 федеральных судей и 63 следователей.

Результаты научного исследования изложены в девяти научных статьях автора, в том числе в одной зарубежной и четырех, опубликованных в изданиях, включенных в перечень ВАК.

Основные теоретические положения, выводы, предложения по оптимизации законодательства, предусматривающего ответственность за преступления, связанные с получением и (или) разглашением конфиденциальной информации, содержащиеся в работе, обсуждались на кафедре уголовного права и криминологии Кубанского государственного университета, на которой подготовлена диссертация. Они докладывались автором на четырех международных научно-практических конференциях (V Международной научно-практической конференции «Уголовная политика в сфере обеспечения безопасности здоровья населения, общественной нравственности и иных социально-значимых интересов (г. Краснодар, Кубанский социально-экономический институт, 15.04.2016 г.); Международной научно-практической «Проблемы эффективности права в современной России» (г. Краснодар, Кубанский государственный университет, 07.10.2016 г.); III Международной научно-практической конференции «Проблемы развития правовой системы России» (г. Краснодар, Кубанский государственный университет, Кубанский социально-экономический институт, 25.05.2017 г.); Международной научно-практической конференции «Уголовная политика и культура противодействия преступности» (Краснодар, Краснодарский университет МВД РФ, 15 сентября 2017 г.).

Результаты осуществленного исследования внедрены в учебный процесс и правоприменительную деятельность, что подтверждается актами о внедрении.

Структура диссертации определяется целью и задачами исследования и включает введение, три главы, объединяющие девять параграфов, заключение, список использованных источников, приложения.

СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во введении обосновывается актуальность избранной темы; раскрывается степень ее научной разработанности; определяются объект и предмет, цель и задачи исследования; показаны его методологическая, нормативная, теоретическая и эмпирическая основы; раскрывается научная новизна; формулируются положения, выносимые на защиту. Здесь же определена теоретическая и практическая значимость диссертационной работы; приведены сведения о степени достоверности результатов исследования и информация об их апробации, а также о структуре диссертации.

Первая глава «Преступления, связанные с получением и (или) разглашением конфиденциальной информации: компаративистские аспекты» состоит из двух параграфов.

В *первом параграфе* «Становление и развитие российского уголовного законодательства об ответственности за преступления, связанные с получением и (или) разглашением конфиденциальной информации» рассматривается генезис соответствующих правовых установлений. Автор отмечает, что система указанных преступлений до принятия Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. сводилась лишь к защите частной и государственной тайны. Так, уже в Псковской судной грамоте (1397 г.) впервые была криминализована государственная измена. В последующем нормы об ответственности за данное преступление получили развитие в ст. 253 Уложения 1845 г. (в ред. 1885 г.), которой был введен термин «государственная тайна». В Уголовном Уложении 1903 г. ему дано легальное определение, а в 1912-1914 гг. осуществлено выделение шпионажа из рамок состава государственной измены.

К уголовно-наказуемым законодательство досоветского периода относил лишь такое разглашение информации о частной жизни, которое было противоправным, оскорбительным и публичным (ст. 1528 и 1530 Уложения 1845 г.).

К концу XIX в. систему рассматриваемых преступлений дополнили нормы о защите неприкосновенности служебной (ст. 447, 449, 451-453, 455 Уложения 1845 г.) и коммерческой (ст. 1751 Уложения 1845 г.) информации. Примеча-

тельно, что они подразделялись на «злонамеренные» (ст. 452 и 453 Уложения 1845 г.) и допущенные по небрежности (ст. 454).

Кроме того, в Уложениях 1845 и 1903 гг. были заложены основы для закрепления применительно к рассматриваемым посягательствам специального субъекта преступления.

Таким образом, в источниках уголовного права досоветского периода постепенно расширялись предмет названных деяний и система норм, их криминализующих; происходила дифференциация уголовной ответственности в соответствии от вида конфиденциальных сведений, содержания объекта и свойств субъекта посягательства. В результате к началу XX в. в России была сформирована целостная система преступлений, посягающих на неприкосновенность конфиденциальной информации.

Развитие института ответственности за преступления, связанные с получением и (или) разглашением конфиденциальной информации, в советский период носило противоречивый характер. В течение периода с 1917 по 1960 гг. уголовное законодательство не уделяло должного внимания охране тайны частной жизни. Лишь в УК РСФСР 1960 г. была осуществлена криминализация нарушения тайны переписки (ст. 135); нарушения неприкосновенности жилища граждан (ст. 136); нарушения тайны усыновления (ст. 124¹) и врачебной тайны (ст. 128¹). По-прежнему уголовный закон предусматривал преступления, связанные с посягательствами на сохранность государственной тайны. Так, ст. 57 УК РСФСР 1922 г. содержал дефиницию контрреволюционного преступления. Причем, в данных нормах отчетливо просматривались признаки объективного вменения, поскольку наказанию подвергались совершеннолетние члены семьи изменника, не содействовавшие и, порой, не осведомленные о его деяниях. К середине XX в. уголовное законодательство стало четко разграничивать измену Родине и шпионаж, в основу чего были положены признаки субъекта преступления. В 80-х г. XX в. происходит расширение границ уголовно-правовой охраны тайны посредством криминализации посягательств на сохранность служебной тайны (ст. 76¹ УК РСФСР 1960 г.). Что касается криминализации посяга-

тельств на сохранность коммерческой и банковской тайны, то в РСФСР она не осуществлялась.

Во *втором параграфе* «Преступления, связанные с получением и (или) разглашением конфиденциальной информации, в зарубежном уголовном праве» проанализирован зарубежный опыт криминализации соответствующих деяний. На основе изучения положений уголовных законов 20 зарубежных государств (Австрии, Бельгии, Голландии, Дании, Испании, Италии, Молдовы, Польши, Туниса, Республики Беларусь, Республики Казахстан, Республики Таджикистан, США, Украины, Швейцарии, Швеции, Франции, ФРГ, Эстонии, Японии) автор делает вывод, что нормы об уголовно-правовой охране неприкосновенности конфиденциальной информации получили в них достаточное развитие. Особое внимание в уголовных законах названных государств уделяется охране частной жизни человека. Соответствующие деяния включены в систему преступлений против личности и характеризуются спецификой их предмета (сама информация, аудио- и видеозапись, фотоматериалы, ее содержащие, оборудование для осуществления противоправного сбора сведений). Однако за рамками уголовно-правовой охраны остались цифровые носители информации, телекоммуникационных систем и т.п. Наибольший интерес представляет УК Испании, в котором осуществлена широкая криминализация названных деяний и детальная дифференциация уголовной ответственности за их совершение. Спецификой субъектного состава отличаются УК Франции и Примерный УК США, поскольку в них установлена ответственность юридических лиц. В УК ФРГ криминализованы посягательства на частную жизнь, совершенные специальным субъектом. Однако не предусмотрено усиление уголовной ответственности за распространение конфиденциальной информации о частной жизни в СМИ. В ряде зарубежных государств (например, УК ФРГ) закреплена дефиниция таких категорий, как «тайна», «государственные секреты». Показателен УК Польши, систематизирующий все преступления, посягающие на сохранность конфиденциальной информации, в рамках одной главы. В диссертации обращено внимание, что по-

добный опыт для России, с учетом специфики системы Особенной части УК РФ, нецелесообразен¹.

Изучение зарубежного уголовного законодательства позволило автору систематизировать положения, представляющие интерес для дальнейшего совершенствования отечественного уголовного законодательства. К ним относятся: криминализации разглашения врачебной тайны; криминализация посягательств на сохранность служебной тайны (УК Австрии, Швейцарии, ФРГ); наказуемость использования государственных секретов (ст. 263 УК Италии); дифференциация наказания за шпионаж в зависимости от свойств субъекта – «лицом, злоупотребившим своим ответственным положением, которое обязывало его особо хранить государственные тайны» (УК ФРГ); криминализация передачи или собирания с целью передачи иностранным предприятиям, учреждениям, организациям или их представителям экономических, научно-технических или иных сведений, составляющих конфиденциальную информацию, являющуюся собственностью государства (УК Украины).

Вторая глава «Подходы к криминализации деяний, связанных с получением и (или) разглашением конфиденциальной информации, и их систематизации в современном российском уголовном праве» состоит из трех параграфов.

В *первом параграфе* «Социальная обусловленность и принципы криминализации деяний, связанных с получением и (или) разглашением конфиденциальной информации» диссертант обращает внимание на то, что последствия неправомерного завладения конфиденциальной информацией и ее использования имеют существенное негативное значение как для целых государств, так и отдельных граждан. На основе анализа критериев распространенности и общественной опасности указанных деяний делается вывод, что обеспечение уголовно-правовой защиты конфиденциальной информации не только социально обу-

¹ Всего лишь 14,2 % опрошенных респондентов поддержали идею об объединении всех преступлений, связанных с незаконным получением и (или) разглашением конфиденциальной информации, на основе их общего предмета в рамках одной главы.

словлено, но и необходимо для сохранения баланса в обществе¹. В диссертации проанализированы данные официальной статистики о судимости за данные преступления за период с 2014 по 2018 гг., установлены их противоречивые тенденции и обращено внимание на проблему латентности. Автор подчеркивает, что рассматриваемые посягательства создают опасность для общества не количеством, а своими последствиями. На основе изучения статистических данных в диссертации сформулирован вывод о том, что в системе криминальных угроз, связанных с конфиденциальной информацией, наиболее значимыми выступают: ее противоправное распространение в СМИ; преступные посягательства на неприкосновенность и сохранность компьютерной информации; криминальные посягательства на сохранность служебной информации субъектов предпринимательской деятельности; похищение и неправомерное использование информации, составляющей коммерческую тайну.

Автором определены критерии криминализации соответствующих деяний: общественная опасность; распространенность; социальная необходимость; невозможность предупреждения данной модели асоциального поведения исключительно иными (не уголовно-правовыми) средствами. Автор обосновывает систему принципов криминализации рассматриваемой группы деяний: учет степени их распространенности в РФ, динамики и структуры; значимость для общества, государства, субъектов предпринимательской деятельности или частных лиц негативных последствий их совершения; системный подход к криминализации деяний, посягающих на неприкосновенность и сохранность конфиденциальной информации; преемственность положений национального уголовного законодательства и международно-правовых норм в сфере обеспечения информационной безопасности; акцент на профилактический потенциал криминализации указанных деяний, основанный на невозможности их предупреждения вне рамок уголовно-правовых запретов.

Во *втором параграфе* «Предмет преступлений, связанных с получением и (или) разглашением конфиденциальной информации, как их системообразую-

¹ Подавляющее большинство опрошенных респондентов (87,5 %) считают высоким уровень общественной опасности преступлений, связанных с незаконным получением и (или) разглашением конфиденциальной информации.

щий признак» рассматривается указанный компонент составов названных посягательств, его специфика и отличительные признаки. Прежде всего, автор указывает на системообразующий характер предмета данных преступлений. В качестве такового выступает *конфиденциальная информация*, которая в свою очередь неоднородна и многообразна. Объединяет все ее виды свойство конфиденциальности, то есть тайности, стремления носителей соответствующих сведений обеспечить их сохранность, не допустить попадания ненадлежащим, недобросовестным адресатам во избежание негативных последствий для прав и законных интересов обладателей информации, могущих наступить в результате утечки последней. Уголовный закон предусматривает ответственность за целый ряд преступлений, связанных с незаконным получением и (или) разглашением конфиденциальной информации, которые размещены в разных главах Особенной части УК РФ, поскольку посягают на различные объекты уголовно-правовой охраны. Соответствующие посягательства можно встретить в числе преступлений против личности (ст. 137, 138, 155 УК РФ), в сфере экономической деятельности (ст. 183, 185⁶ УК РФ), в сфере компьютерной информации (ст. 272 УК РФ), против основ конституционного строя и безопасности государства (ст. 275, 276, 283, 283¹, 284 УК РФ), против правосудия (ст. 310, 311 УК РФ) и против порядка управления (ст. 320 УК РФ).

Автор обращает внимание на отсутствие в отечественном законодательстве дефиниции категории «конфиденциальная информация». В связи с этим обосновывается целесообразность ее закрепления в специальном Федеральном законе «О конфиденциальной информации в Российской Федерации». В диссертации сформулировано определение последней, осуществлена ее систематизация, что нашло отражение в положении 5, выносимом на защиту.

По мнению соискателя, нуждаются в законодательном закреплении такие категории, как «сведения о частной жизни», «следственная тайна», «коммерческая тайна», «служебная тайна». В диссертации представлены их авторские дефиниции. В ней также обосновывает вывод, что коммерческая тайна включает в себя банковскую и налоговую, в связи с чем нуждается в корректировке название ст. 183 УК РФ, поскольку в ней необоснованно противопоставляются эти

три вида тайны. Следовательно, необходимо закрепить следующее название указанной нормы, соответственно, уточнив и ее диспозицию: «Незаконные получение, разглашение или использование сведений, составляющих коммерческую тайну»¹. В диссертации приводятся дополнительные аргументы в пользу криминализации коммерческого шпионажа, разглашения и использования коммерческой тайны, полученной в результате бенчмаркинга. Автор приводит также ряд аргументов в пользу установления уголовной ответственности за неправомерное получение или использование коммерческой тайны третьими лицами в случаях, если они имели достаточные основания считать, что соответствующая информация получена неправомерным способом. В диссертации представлена авторская дефиниция мер безопасности как признака состава преступления, предусмотренного в ст. 311 УК РФ.

В *третьем параграфе* «Система преступлений, связанных с получением и (или) разглашением конфиденциальной информации: критерии построения и перспективы совершенствования» автор констатирует, что российский уголовный закон предусматривает обширную систему названных деяний, критерием построения которой выступает предмет, то есть определенного рода конфиденциальная информация. Эта система представлена преступлениями против личности, связанными с получением и (или) разглашением конфиденциальной информации: в сфере обеспечения неприкосновенности частной жизни человека (ст. 137, 138 УК РФ) и в области обеспечения нормального развития несовершеннолетних (ст. 155 УК РФ). В нее включены преступления в сфере экономической деятельности (ст. 183, 185^б УК РФ). Обширный массив являют собой посягательства на внешнюю безопасность РФ, связанные с посягательствами на сохранность сведений, составляющих государственную тайну (ст. 275, 276, 283, 283¹, 284 УК). Уголовно-правовой охране, согласно УК РФ, подлежит и служебная тайна в сфере нормального осуществления правосудия и предварительного расследования (ст. 310, 311 УК), а также в сфере обеспечения надлежащего порядка управления (ст. 320 УК). В систему рассматриваемых преступлений

¹ В пользу такой корректировки названия ст. 183 УК РФ высказалось 77,5% опрошенных респондентов.

следует включать и несанкционированный доступ к компьютерной информации (ст. 272 УК РФ). Однако в диссертации обосновывается вывод о необходимости исключения данной нормы из уголовного закона. По мнению автора, предусмотренный ею состав преступления – результат криминализации особого, наиболее опасного способа незаконного получения конфиденциальной информации, который может быть использован в отношении всех ее видов (частной, коммерческой, инсайдерской и т.п.). В силу сказанного предложено предусмотреть подобный способ незаконного получения и (или) разглашения конфиденциальной информации в качестве квалифицирующего признака для всех ранее названных составов преступлений¹.

В диссертации обращено внимание и на имеющую место избыточную криминализацию посягательств на сохранность конфиденциальной информации (ст. 283 и 283¹ УК РФ). Автор ратует за объединение положений указанных норм в рамках ст. 283 УК РФ и исключение ст. 283¹. Сходная ситуация, как отмечает диссертант, складывается и в отношении преступлений, предусмотренных ст. 183 УК РФ и ч. 2 ст. 185⁶ УК РФ. При несомненной обоснованности установления уголовной ответственности за неправомерное распространение инсайдерской информации обращает на себя внимание искусственно созданная законодателем конкуренция названных норм. Такая ситуация возникает, поскольку и коммерческая, и банковская, и налоговая информация могут иметь инсайдерский характер. Вместе с тем в УК РФ отсутствуют нормы, устанавливающие уголовную ответственность за разглашение служебной, управленческой тайны. В действующей редакции уголовного закона ответственность за разглашение служебной тайны, совершенное вопреки интересам коммерческой или иной организации из корыстной или иной личной заинтересованности, могут нести субъекты, предусмотренные гл. 23 УК РФ, по ст. 201 УК РФ. Однако подобная ответственность не предусмотрена для неспециальных субъектов разглашения или неправомерного завладения ею. Остался за рамками внимания законодателя и вопрос об уголовной ответственности за незаконное получение и использование бенчмаркинговой информации.

¹ Данное предложение поддержали 85,8 % опрошенных соискателем респондентов.

Третья глава «Преступления, связанные с получением и (или) разглашением конфиденциальной информации: законодательное описание их составов и перспективы его модернизации» состоит из четырех параграфов.

В *первом параграфе* «Объекты преступлений, связанных с получением и (или) разглашением конфиденциальной информации: система и содержание» в результате осуществленного анализа автор констатирует, что названные деяния размещены в разных разделах и главах УК РФ, соответственно, посягают на различные по содержанию родовые объекты. Это обусловлено тем, что информация, конфиденциальная по сути, но разнородная по содержанию, «встраивается» в системы разных групп общественных отношений, подлежащих уголовно-правовой охране, выступая в качестве элемента последних и одним из детерминантов их специфики. Диссертант обращает внимание и на то, что, несмотря на разнородность объектов рассматриваемых преступлений, есть основания вести речь об интегративном объекте, позволяющем выделить комплексный институт Особенной части уголовного права – институт уголовной ответственности за названные посягательства. Таковым выступает совокупность общественных отношений в сфере обеспечения информационной безопасности личности, общества, государства. Наличие подобного института требует максимально возможной унификации описания признаков составов соответствующих преступлений в той части, в какой это логично и обосновано. Вместе с тем целесообразность в выделении самостоятельной главы, которая объединила бы нормы о преступлениях, связанных с получением и (или) разглашением конфиденциальной информации, отсутствует вследствие выраженной неоднородности общественных отношений, с которыми связана та или иная информация. Рассмотрение содержания объектов названных преступлений позволяет «выйти» на ряд предложений по корректированию отечественного уголовного закона в соответствующей части. Так, «универсальность» объекта преступления, предусмотренного ст. 272 УК РФ, трактуемого как информационная безопасность, понимаемая в широком смысле слова – как безопасность личности, общества и государства от неправомерных посягательств на конфиденциальную информацию, хранящуюся в компьютерных системах, позволяет вести речь о целесообразности

исключения ст. 272 из УК РФ с одновременным указанием на коррелирующий квалифицирующий признак для составов иных преступлений, связанных с получением и (или) разглашением конфиденциальной информации.

Во *втором параграфе* «Объективная сторона преступлений, связанных с получением и (или) разглашением конфиденциальной информации» раскрывается специфика содержания указанного элемента составов рассматриваемых посягательств. Автор обращает внимание на то, что в УК РФ к числу деяний, образующих их объективную сторону, отнесены: разглашение (распространение) (ст. ст. 137, 155, ч. 2 ст. 183, ст. ст. 283, 310, 311, 320); сбор (ст. 137, ч. 1 ст. 183, ст. 276); использование (ч. 2 ст. 183, ч. 1 ст. 185^б); выдача (ст. 275), передача (ч. 2 ст. 185^б, ст. 276); похищение (ст. 276 УК РФ); получение (ст. 183¹ УК РФ); неправомерный доступ (ст. 272 УК РФ); нарушение правил обращения (ст. 284 УК РФ). Законодатель не придерживается унифицированного подхода при описании сходных преступных деяний применительно к исследуемой группе преступлений. В ряде случаев это обусловлено спецификой данных составов (например, ст. 272 УК РФ), однако нередко причина кроется в отходе от принципа единообразия законодательной формулировки сходных понятий. В связи с этим среди направлений оптимизации уголовного закона следует указать на необходимость употребления в ст. ст. 137, 155, 183, 283, 310, 311, 320 УК РФ категории «разглашение»; в ч. 2 ст. 185^б УК РФ, ст. 276 УК РФ – понятия «выдача»; в ст. 183 и ст. 283 УК РФ – «незаконное получение», которое включает в себя сбор, в том числе и путем похищения, конфиденциальной информации. Диссертант отмечает, что термин «разглашение» должен пониматься широко – как любые действия виновного, направленные на раскрытие содержания конфиденциальной информации третьим лицам, не имеющим права ознакомления с ней, нивелирующие тайный характер соответствующих сведений. Разглашение конфиденциальной информации может принимать форму как действия, так и бездействия. По мнению автора, понятия «выдача» и «передача» фактически являются синонимами. По сути, они представляют собой сообщение в устной, письменной форме, с использованием технических средств и т.п. конфиденциальной

информации лицам, не обладающих правом на ее получение. Соответственно, в законе следует употреблять один из терминов, которым, на взгляд автора, должна быть «выдача». В то же время соискатель обосновывает вывод, что категория «собрание» включает в себя и хранение (без распространения) информации о частной жизни. Вместе с тем в ст. 137 УК РФ не установлена ответственность за использование информации о частной жизни. Думается, если это использование будет осуществляться из низменных побуждений, оно должно влечь уголовную ответственность, на что следует указать в ч. 1 ст. 137 УК РФ. По мнению автора, целесообразным видится уточнение диспозиции названной нормы, поскольку в ней не совсем оправданно в рамках основного состава указано на распространение информации о частной жизни, осуществляемое публично. Общественная опасность раскрытия конфиденциальной информации подобными способами, несомненно, более высока, что требует придания им статуса квалифицирующих признаков с указанием на это в ч. 2 ст. 137 УК РФ.

Автор обосновывает вывод о том, что использование инсайдерской информации путем ее передачи существенно не отличается ни по степени общественной опасности, ни по сути от иных способов совершения этого деяния. Поэтому не вполне понятны основания выделения законодателем соответствующего деяния в самостоятельный состав. В связи с этим предложено отказаться от подобной конструкции рассматриваемой нормы, объединив все возможные модификации использования инсайдерской информации в рамках диспозиции ч. 1 ст. 185⁶ УК РФ. Кроме того, в ст. 276 УК РФ, как считает автор, следует исключить из диспозиции такое деяние, как похищение информации, поскольку это, по сути, не самостоятельное деяние, а способ совершения собирания соответствующих сведений. В диспозиции ст. 283¹ УК РФ законодатель указывает альтернативные способы совершения деяния, оставляя этот перечень открытым. Поэтому более оптимальной формой изложения следует признать указание на незаконный характер получения сведений, составляющих государственную тайну, и отказ от перечисления конкретных способов совершения соответствующего деяния. Кроме того, автор считает целесообразным объединение в рамках од-

ной нормы – ст. 283 УК РФ – незаконного получения и разглашения сведений, составляющих государственную тайну.

В *третьем параграфе* «Субъективные признаки преступлений, связанных с получением и (или) разглашением конфиденциальной информации» раскрывается содержание субъективной стороны и субъекта составов указанных деяний. Автор отмечает, что подавляющее большинство рассматриваемых преступлений являются умышленными (ст. 137, 138, 155, 183, 185^б, 272, 275, 276, 283, 283¹ УК РФ) и лишь одно – утрата документов, содержащих государственную тайну (ст. 284 УК РФ), – неосторожным. Ошибочной, по мнению диссертанта, является позиция, согласно которой нарушение врачебной тайны может характеризоваться как умышленной, так и неосторожной формой вины (М.М. Стойка), поскольку это деяние подпадает под действие ст. 137 УК РФ, в которой представлен формальный состав соответствующего преступления, предполагающий исключительно прямой умысел. Неправомерные действия, совершаемые в сфере экономической деятельности, обусловлены в подавляющем большинстве случаев корыстной мотивацией, в силу чего для преступлений, связанных с получением и (или) разглашением коммерческой информации, необходимо предусмотреть корыстные побуждения в качестве квалифицирующего обстоятельства. В ст. 320 УК РФ содержится указание на такой обязательный признак названного в ней преступления, как цель. Но данное деяние может быть совершено, например, по мотиву мести за соответствующую законную деятельность указанных должностных лиц. Степень общественной опасности такой ситуации ничуть не меньше, но она не может быть оценена по ст. 320 УК РФ.

Для ряда названных преступлений в конструкцию основных составов преступлений включено указание на их цель (ст. 320 УК РФ), мотив (ст. 183 УК РФ) или побуждения (ст. 155 УК РФ). Неоднозначная ситуация сложилась относительно мотива и цели нарушения неприкосновенности частной жизни. В этой связи представляется обоснованным конструирование квалифицированного состава нарушения неприкосновенности частной жизни с учетом корыстного мотива, в рамках основного состава применительно к деянию в виде распростра-

нения соответствующей информации видится целесообразным указание на низменные побуждения.

Для большинства составов названных преступлений характерен общий субъект (ст. 137, ч.1 ст. 138, ч. 1 ст. 183, ст. 272, ст. 283, ст. 283¹, 320 УК РФ). Однако для преступлений, регламентированных ст. 155 (частично), ч. 2 ст. 183, ст. 275, ст. 276, ст. 310, ст. 311 УК РФ, установлен специальный субъект. Диссертант констатирует, что закон необоснованно исключает из категории инсайдеров широкий круг лиц, фактически являющихся инсайдерами (технических работников коммерческих организаций, имеющих доступ к служебной информации, адвокатов, бухгалтеров и иных специалистов, обслуживающих эмитентов и не являющихся при этом их работниками, аудиторами или профессиональными участниками рынка ценных бумаг, теневого директоров). Поэтому автор считает целесообразным предусмотреть в законе ответственность любого лица, обладающего названной информацией и незаконно ее использующего.

В *четвертом параграфе* «Признаки, дифференцирующие уголовную ответственность за преступления, связанные с получением и (или) разглашением конфиденциальной информации» рассматриваются обстоятельства, квалифицирующие указанные деяния. В диссертации делается вывод о том, что дифференциация уголовной ответственности за них не имеет унифицированного характера. Для ряда преступлений (ст. 137, 138, 183, 272, 283, 283¹, 311, 320 УК РФ) законодатель предусмотрел квалифицирующие и особо квалифицирующие обстоятельства. Применительно к другим (ст. ст. 155, 185⁶, 275, 276, 284, 310 УК РФ) таковые отсутствуют.

Диссертант обращает внимание на то, что нет единого подхода и к формулировкам указанных обстоятельств. Так, в ч. 2 ст. 137, ч. 2 ст. 138, ч. 3 ст. 272 УК РФ закреплена такой квалифицирующий признак, как совершение преступления «лицом с использованием своего служебного положения». Вместе с тем круг субъектов, которые должны нести более строгую ответственность за нарушение неприкосновенности частной жизни, нуждается в расширении, поскольку значительное число лиц в силу специфики своей деятельности (профессиональной или религиозной) имеет доступ к конфиденциальной информации. Автором

высказывается критическая позиция относительно того, что в диспозиции ст. 155 УК содержится указание на специального субъекта применительно к основному составу, а в ст. 137 УК РФ – в ч. 2. В этой связи предлагается унифицированный подход – предусмотреть специальные свойства субъекта (служебное положение) в качестве квалифицирующего признака в ч. 2 ст. 155 УК РФ. В диссертации обосновывается необходимость расширения круга специальных субъектов указанных преступлений за счет включения в него медицинских работников, нотариусов, адвокатов, представителей по доверенности, священнослужителей.

О тяжких последствиях как обстоятельстве, повышающем общественную опасность деяния, говорится в ч. 4 ст. 183, ч. 2 ст. 283, п. «в» ч. 2 ст. 283¹, ч. 2 ст. 311 и ч. 2 ст. 320 УК РФ. Критически оценивается в диссертации то обстоятельство, что созвучные последствия имеют разный правовой статус для указанных преступлений. В одних случаях им придано значение квалифицирующего признака, в другом – особо квалифицирующего (ч. 4 ст. 183 УК РФ и ч. 4 ст. 272 УК РФ). Для подобного различия нет объективных оснований, должен соблюдаться единый подход к оценке тяжести одного и того же обстоятельства в рамках составов рассматриваемых преступлений. Автор обращает внимание, что умышленное отношение к наступлению общественно опасных последствий, предусмотренных ч. 3 ст. 137 УК РФ, не согласуется с уровнем общественной опасности предусмотренного в ней деяния. С учетом изложенного предлагается в ч. 3 ст. 137 УК РФ при описании соответствующих последствий включить конструкцию: *«повлекшие по неосторожности...»*.

В диссертации делается вывод, что вопрос дифференциации уголовной ответственности необоснованно остался за рамками внимания законодателя применительно к целому ряду рассматриваемых преступлений. В частности, в отношении такого деяния, как разглашение государственной тайны, не говорится о возможности его совершения должностными лицами с использованием своего служебного положения. Диссертант предлагает это обстоятельство предусмотреть в качестве квалифицирующего признака.

Совершение рассматриваемых посягательств возможно с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе социальных сетей и сети «Интернет», что в значительной мере повышает степень их общественной опасности. В силу того, что в ст. 272 УК РФ, как отмечено ранее, криминализован, по сути, способ получения конфиденциальной информации, автором сделан вывод о необходимости исключения ее из УК РФ, но при этом обоснована необходимость установления соответствующего квалифицирующего признака для деяний, криминализованных в ст. ст. 137, 155, 183, 185⁶, 275, 276, 283, 310, 311, 320 УК РФ.

В результате осуществленного анализа разработан примерный алгоритм конструирования системы квалифицирующих обстоятельств для рассматриваемых преступлений, обеспечивающий их максимальную унификацию (он представлен в положении 7, выносимом на защиту)¹. Статьи 185⁶, 272, 283¹ предложено исключить из Уголовного кодекса РФ.

На основе анализа юридических признаков составов преступлений, связанных с получением и (или) разглашением конфиденциальной информации, в диссертации предложены скорректированные редакции соответствующих статей УК РФ.

В *заключении* аккумулируются выводы из осуществленного исследования, формулируются предложения по совершенствованию содержания соответствующих уголовно-правовых норм.

В *приложении* представлены опросный лист и обобщенные результаты анкетирования федеральных судей и следователей по проблемам проводимого исследования.

¹ Данное предложение нашло поддержку у 85 % опрошенных соискателем респондентов.

Основные положения диссертации нашли отражение в следующих публикациях автора:

Статьи, размещенные в рецензируемых научных изданиях, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации:

1. Хурум, М.А. Эволюция российского уголовного законодательства об ответственности за преступления, связанные с получением и разглашением конфиденциальной информации, в досоветский период / М.Л. Прохорова, М.А. Хурум // Общество: политика, экономика, право. – 2016. – № 7. – С. 37-40 (0,5/0,35 п.л.).

2. Хурум, М.А. Преступления, связанные с незаконным получением и разглашением конфиденциальной информации: компаративистские аспекты / М.А. Хурум // Российский криминологический взгляд. – 2015. – №4. – С. 1086-1088 (0,4 п.л.).

3. Хурум, М.А. Социальная обусловленность криминализации деяний, связанных с получением и разглашением конфиденциальной информации, составляющей коммерческую тайну / М.А. Хурум // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2018. – № 4. – С. 172-176 (0,3 п.л.).

4. Хурум, М.А. Объект составов преступлений, связанных с посягательствами на сохранность тайны частной жизни индивида: содержание, специфика и перспективы оптимизации законодательной регламентации / М.А. Хурум // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2019. – № 6 // http://www.online-science.ru/m/products/law_science/gid5218/pg0/# (0,8 п.л.).

Статьи в зарубежных изданиях:

5. Хурум, М.А. Социальная обусловленность криминализации деяний, связанных с получением и разглашением конфиденциальной информации / М.А. Хурум // Sciences of Europe (Praha, Czech Republic). – VOL 2, No 15 (15) (2017). – С. 39-43 (0,5 п.л.).

Статьи, опубликованные в иных изданиях:

6. Хурум, М.А. Европейский опыт криминализации посягательств, связанных с незаконным манипулированием конфиденциальной информацией о частной жизни человека / М.А. Хурум // Проблемы развития правовой системы России: материалы III Международной научно-практической конференции, 25 мая 2017 г. – Краснодар: КубГУ, КСЭИ, 2017. – С. 157-163. (0,4 п.л.).

7. Хурум, М.А. Система преступлений, связанных с получением и разглашением конфиденциальной информации, и критерии ее построения / М.А. Хурум // Проблемы эффективности права в современной России: материалы международной научно-практической конференции (г. Краснодар, 07.10.2016 г.): в 2-х томах. Том. 2. – Краснодар: Кубанский государственный университет, 2016. – С. 234-239 (0,35 п.л.).

8. Хурум, М.А. Конфиденциальная информация как предмет преступления в уголовном праве / М.А. Хурум // Уголовная политика в сфере обеспечения безопасности здоровья населения, общественной нравственности и иных социально-значимых интересов: материалы V Международной научно-практической конференции (часть I), 15 апреля 2016 г. / отв. редактор М.Л. Прохорова. – Краснодар: КСЭИ, 2016. – С. 120-123 (0,4 п.л.).

9. Хурум, М.А. Преступления, связанные с получением и разглашением конфиденциальной информации, в уголовном законодательстве советского периода / М.А. Хурум // Уголовная политика и культура противодействия преступности: материалы Международной научно-практической конференции (Краснодар, Краснодарский университет МВД России, 15 сентября 2017 г.). – Краснодар, 2017. –Том II. – С. 226-232 (0,4 п.л.).